

Золотая серия

В золотую серию входят лучшие
книги издательства ББИ,
ставшие классикой
и пользующиеся любовью
читателей в России

KT

Dietrich Bonhoeffer
Predigten
Auslegungen
Meditationen

Band 1
1925 – 1935

Kaiser Taschenbücher

СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ

Дитрих Бонхеффер

**ПРОПОВЕДИ
ТОЛКОВАНИЯ
РАЗМЫШЛЕНИЯ**

Том 1

1925 – 1935

ИЗДАТЕЛЬСТВО

М О С К В А

ББК 86.376
УДК 230.111 / 227.12
Б 816

*Перевод: О. Хмелевская, А. Лукьянов
Научный редактор: С. Коначева*

*Верстка: С. Опарина
Обложка: А. Бизяев*

Данный перевод книги Дитриха Бонхеффера
Predigten, Auslegungen, Meditationen. Band 1. 1925–1935
публикуется с согласия *Gütersloher Verlagshaus*

Бонхеффер Дитрих

Проповеди, толкования, размышления. Т. 1. 1925–1935/Пер. с нем. (Серия «Современное богословие»). — М.: Издательство ББИ, 2014. — lxxxii + 337 с.

ISBN 978-5-89647-308-4

Настоящий двухтомник объединяет все проповеди, библейские исследования и истолкования, опубликованные в многотомных сочинениях Дитриха Бонхеффера, и тем самым облегчает доступ к бонхефферовской гомилетике, помогая читателю встретиться непосредственно с великим богословом как проповедником и толкователем Писания. В первом томе представлены ранние проповеди Бонхеффера, относящиеся к периоду от студенчества и викариата до служения в Лондоне. Текст предваряет обширное введение от немецкого издателя – превосходный опыт биографического и богословского исследования.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети Интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

- © Gütersloher Verlagshaus, Gütersloh, in der Verlagsgruppe Random House GmbH, München, 1984
- © Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2014
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316, Россия
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Христианство в совершеннолетнем мире	vii
<i>Светлана Коначева</i>	
Предисловие ко второму немецкому изданию	xvii
Кто для нас Иисус Христос сегодня?	xix
<i>Отто Дудзус</i>	
I. СТУДЕНЧЕСКИЙ ПЕРИОД: 1925–1927.	1
<i>Лк 17:7-10. Унижение и возвышение человека</i>	3
<i>Пс 126:1. Строить на обетовании.</i>	8
<i>Иак 1:21-25. Свобода в послушании.</i>	14
<i>Лк 9:51-56. Пришел, чтобы спасти человеческие души</i>	22
II. ВИКАРИАТ В БАРСЕЛОНЕ: 1928–1929	33
Размышления на разные темы.	35
<i>Рим 11:6. Оправдание и религия</i>	39
<i>1 Кор 15:17. Воскресение вместо бессмертия</i>	45
<i>Мф 28:20b. Бог в гуще жизни</i>	50
<i>Пс 61:2. Мужество тишины</i>	55
<i>1 Кор 12:27 и 26. Церковь</i>	62
<i>Мф 5:8. Чистые сердцем.</i>	68
<i>1 Ин 2:17. Время и смерть</i>	74
<i>2 Кор 12:9. Религия и счастье.</i>	80
<i>Рим 12:11c. Оставайтесь верными земле</i>	87
<i>Лук 17:33. Обрести жизнь</i>	92
<i>Откр 3:20. Уметь ждать.</i>	96
<i>Флп 4:7. Под защитой мира Божьего</i>	101
<i>Втор 32:48-52. Умереть и жить перед лицом обетования</i>	107
III. ДОЦЕНТУРА И ПРИХОДСКОЕ СЛУЖЕНИЕ СРЕДИ СТУДЕНТОВ В БЕРЛИНЕ: 1931–1933	113
<i>Пс 62:4. Плоды Божьей милости</i>	115
<i>Лк 12:35-40. Во власти грядущего</i>	123
<i>Лк 4:3-4. Не хлебом единым жив человек</i>	131
<i>Лк 4:5-8. Солнце сатаны</i>	133
<i>Мф 24:6-14. Скандальное, но конструктивное слово ко дню всенародного траура.</i>	135
<i>Быт 32:24-31; 33:10. Найти в общине свой дом.</i>	144
<i>Ин 8:31-32. Статус истины</i>	150
<i>2 Пар 20:12. Заповедь Божья против всех христианских программ</i>	151

СОДЕРЖАНИЕ

<i>1 Ин</i> 4:16. В завете с Господом судеб	157
<i>Лк</i> 16:19-31. О нищем богаче Лазаре	160
<i>Кол</i> 3:1-4. Наша скрытая жизнь	168
<i>Кол</i> 3:1-4. Как можно совместить жизнь, сокрытую в «горнем», с верностью земле?	176
<i>Ин</i> 8:32. Абстрактная истина и истина-событие	185
<i>Еф</i> 5:14. Сотворены заново, чтобы жить	192
<i>Откр</i> 2:4-5, 7. Протест Бога против протестантской гордыни.	195
<i>Дан</i> 10:1-2, 8-9, 15-19. <i>Courage, courage!</i>	203
<i>Мф</i> 8:23-27. Победный клич вместо ужаса	205
<i>Суд</i> 6:15-16; 7:2; 8:23. Слишком много народа!	213
<i>1 Петр</i> 1:7с-9. Без радости нет церкви	220
<i>Исх</i> 32:1-7, 15, 19-20, 30-34. Церковь Моисея и Аарона	224
<i>Мф</i> 16:13-18. Церковь Петра	230
 IV. Лондон: 1933–1935	 237
<i>2 Кор</i> 5:20. Посланник примирения.	239
<i>2 Кор</i> 5:10. День пугающей ясности	245
<i>Прем</i> 3:3. Преображенная смерть.	250
<i>Лк</i> 21:28. Как узник, ожидающий освобождения.	256
<i>Лк</i> 1:46-55. Величит душа моя Господа.	261
<i>Лк</i> 9:57-62. Начинать с Христом	267
<i>Притч</i> 16:9. Лучший игрок.	270
<i>Иер</i> 20:7. Могли ли мы знать, что твоя любовь причиняет такую боль?	274
<i>Мк</i> 9:23-24. Если бы ты смог уверовать!	279
<i>2 Кор</i> 12:9. На стороне слабых.	284
<i>Пс</i> 97:1. «И возвратится с радостью, неся снопы свои»	287
<i>1 Кор</i> 2:7-10. Тайна.	291
<i>Лк</i> 13:1-5. Конец с поиском виновных	296
<i>Пс</i> 84:9. Церковь и народы.	303
<i>Мф</i> 11:28-30. Человек, который мыслит и живет для других	306
<i>1 Кор</i> 13:1-3. Величие человека перед судом любви	312
<i>1 Кор</i> 13:4-7. Невероятный путь любви	320
<i>1 Кор</i> 13:8-12. Почему любовь не перестает	326
<i>1 Кор</i> 13:13. Только любовь сохраняет от косности.	331
 Указатель библейских источников.	 336

ХРИСТИАНСТВО В СОВЕРШЕННОЛЕТНЕМ МИРЕ

Наша эпоха характеризуется поиском, боязливым ощупыванием и вопрошанием о божественных вещах. Над нашим временем нависло великое одиночество, такое одиночество, какое существует только там, где правит богооставленность... Но растет страстное ожидание того, что однажды вернется время, когда Бог будет обитать вместе с людьми, когда Бога можно будет найти. Жажда соприкосновения с божественными вещами наполняет людей, она обладает огромной силой и ищет своего удовлетворения. И в наше время предлагается множество панацей, которые сулят радикальное удовлетворение этой жажды, и к ним тянутся тысячи жадных рук. А над всем этим диким хаосом и рыночной рекламой новых средств и путей возвышается одно-единственное слово Иисуса Христа: «Се, Я с вами...» Это означает, что Иисус не только обещает вернуться, не только предписывает путь, по которому можно к нему прийти, но и просто говорит: Я здесь¹.

Богословская мысль XX века пережила глубочайший кризис основных понятий и методов. Иногда создается впечатление, что вопрос «что значит говорить о Боге?» остается без ответа в ситуации, когда утрачивает кредит доверия язык метафизики, объявляются бессмысленными богословские высказывания не только о Всевышнем Боге на небесах, но и утверждения о трансцендентной сущности, высшем бытии. По остроумному замечанию Герхарда Эбелинга, слово «Бог» перестало быть для современного человека не только самопонятным, но даже просто понятным. В наше время вопросы о Боге нуждаются в разработке нового языка, позволяющего «определить» Того, Кто не позволяет ограничивать себя в определениях. Это не значит, что предшествующие учения о Боге объявляются устаревшими или мертвыми. Они продолжают жить в нашем языке. Но наш языковой мир и языковой мир прежних поколений

¹ Дитрих Бонхеффер, см. наст. изд., т. 1, с. 51-52.

далеко не совпадают. К вопросу о Боге это тоже относится. В традиционной метафизике мы встречаемся с образом трансцендентного Бога, высшего бытия, пребывающего над всеми прочими, наиболее совершенного и наиболее могущественного существа. Для многих богословов XX века атеистическое отрицание такого небесного существа вполне оправданно, что заставляло заново продумать проблему потусторонности и посюсторонности Бога, прояснить, что для нас означает имя «Бог». Новая интерпретация религиозных символов, ставящая под вопрос традиционный религиозный язык в «религиозной критике религии», оказалась ключевой темой трудов Дитриха Бонхеффера.

У истоков богословской мысли Бонхеффера стоит переживание сосуществования двух реальностей: неотменимой реальности Бога и неотменимой реальности ситуации мира и человека. В его работах с самого начала и до конца присутствует стремление не проходить мимо живой действительности, переживаемой конкретности, не затемнять ее разного рода спекуляциями и самообольщением, не позволять себе соблазниться пустыми конструкциями и словами, забыв о реальных предметах опыта. Если мы еще можем говорить о Боге, то исключительно в горизонте экзистенциальной ситуации. Мы не должны убегать от реальности нашей жизни, убегать от времени, в котором живем, от сознания нашей эпохи, ее исторических хитросплетений. Возможность говорить о Боге Бонхеффер будет искать в реальности ситуации, которую он сам назовет безрелигиозной. «Сегодня» для него означает наступление абсолютно безрелигиозного периода, когда рушатся опоры «априорной человеческой религиозности» и перестают работать «теологические рассуждения и благочестивые речи». У Бонхеффера нет того резко отрицательного отношения к религии, какое было у раннего Карла Барта, видевшего в религии поклонение творению вместо Творца, плод человеческих усилий спастись любой ценой. Он просто фиксирует, что люди уже могут быть нерелигиозными. Тогда христиане, церковь оказываются перед проблемой: «Как может Христос стать Го-

сподом и для нерелигиозных людей?» Может ли Христос быть не предметом религии, а действительно Господом мира? Какой путь ведет к этой цели? Такая ситуация требует говорить о Боге «мирским» языком. Нерелигиозная интерпретация становится проблемой нового языка, который вырабатывается во встрече с конкретными людьми наших дней, и это жизненный вопрос для церкви, ее положения и самопонимания в мире. Необходимо принять тот факт, что мир стал совершеннолетним и человек больше не нуждается в привлечении Бога-Вседержителя для решения своих проблем. Конечно, можно попытаться доказать, что существуют последние вопросы, внутренние конфликты, неразрешимые без небесного «опекуна». Человека при этом разделяют на внутреннего и внешнего, считают собственно человеческими только «сокровеннейшие глубины души», и именно там наконец-то выделяют уголок для Бога. Но Библия говорит о целостном человеке, живущем как из внутреннего, так и из внешнего, поэтому Бонхеффер называет «поповскими уловками» попытки усматривать место Бога в глубинах сознания и бессознательного. Такое «поповство» Бонхеффер считает не только интеллектуально бесчестным, но и совершенно бесполезным, поскольку оно может иметь успех разве что у «пары несчастных, застигнутых в час их слабости», или у «кучки интеллектуалов, вырождков, вообразивших себя пупом земли, а потому с наслаждением предающихся самокопанию»². Попытки вырвать для религии место в мире обречены. Тем более необходимой оказывается безрелигиозная интерпретация библейских понятий, которая позволит понять мир лучше, чем он сам себя понимает, именно на основе Евангелия.

Что же представляет собой нерелигиозная интерпретация? Первым шагом оказывается здесь обращение к миру во всей его «посюсторонности». Бонхеффер любит мир как творение Бога, во всей полноте его реальности, царстве возможностей, которые он дарит человеку. В посюстороннем мире, земном

² Д. Бонхеффер, *Сопротивление и покорность*, М.: Прогресс, 1994, с. 239.

бытии видится удивительный дар Бога. Пусть иногда человеку бывает здесь тяжело и неудобно, но мир все равно остается его «добычей», царством, в становлении которого человек соучаствует с Богом. Этой реальности мира можно сказать только «да». Все другое было бы просто нечестным. Если же мы маскируем побег от действительности поисками Бога, то Бог, которого мы на этом пути обретаем, нереальный, неживой. В этом контексте понятно пристрастие Бонхеффера к сильному, простому и здоровому человечеству, к жизни в полноте человеческих, посюсторонних задач и вопросов. Он категорически не приемлет представление, сложившееся в результате не критического использования некоторых идей экзистенциальной философии, согласно которому человек может обратиться к Богу, только осознав бессмысленность собственного существования, в несчастье и бессилии. Ему кажется недостойным доказывать человеку, что он грязен и подл, что он стоит перед выбором: или Бог, или отчаяние. Не случайна здесь и любовь к Ветхому Завету, ведь через него нам открывается, что в воскресение из мертвых и «жизнь будущего века» может верить только тот, кто до самозабвения любит жизнь и землю. Однако посюсторонность отнюдь не идеализируется. «Мирской христианин» — это не идеальный представитель здорового человечества. Бонхеффер — реалист, он прекрасно осознает все сложности и срывы, сопровождающие посюсторонность.

С этим связан второй момент в нерелигиозной интерпретации — предельный реализм и честность в отношении к человеку и Богу. Когда Бонхеффер говорит о том, что люди становятся радикально безрелигиозными, он принимает конкретную реальность стоящих перед ним людей. Он понимает, что нельзя «охаивать» их за мирскую сущность, напротив, именно им должно стать понятным Евангелие. Сальго-мортале назад, в Средневековье с его клерикализмом, абсолютно бесперспективно. Мы должны ясно осознавать, что живем в таком мире, где упразднена моральная, политическая, естественнонаучная рабочая гипотеза о Боге. Более того, Бонхеффер уверен, что «Бог принуждает нас к такому выводу... Бог дает нам понять,

что мы должны жить, справляясь с жизнью без Бога»³. Позднее оппоненты Бонхеффера критиковали его за оправдание секуляризации. Но в его призыве искренне и без предрассудков встретиться с человеком наших дней внимание сосредоточено совсем на другом. Да, Бонхеффер встречает безрелигиозного человека нашего времени с глубокой симпатией. Но подобная склонность к безрелигиозному человеку отнюдь не становится поводом для воссоздания некоего идеального образа автономного, самодостаточного человека. От просвещенческих иллюзий Бонхеффер предельно далек. И в своей пасторской практике, и во время тюремного заключения он видел самых разных своих современников, сомнительных и жалких типов. Он видел современного «безрелигиозного человека» во всей его заурядности, обыденности и банальности. Тем не менее он считал отвратительным доказывать довольному и счастливому человеку, что в действительности тот несчастен. У обычного человека, живущего в труде и семейных хлопотах, просто нет времени заниматься своим «экзистенциальным отчаянием». Даже встречаясь с тривиальностью человеческого существования в «совершеннолетнем мире», Бонхеффер понимал, что это реальный, нормальный человек, с которым мы ежедневно имеем дело, с которым мы должны считаться, ведь «религиозные» люди составляют лишь небольшую группу не всегда честных аутсайдеров. Его оптимизм в отношении обычных безрелигиозных людей — это оптимизм веры, веры в Евангелие, которое не оставляет этих людей без надежды, а напротив, именно им дарит высшее упование. Он надеется показать, что христианство парадоксальным образом сочетает «искание горнего» и верность земле. Этот оптимизм веры заставляет Бонхеффера предпринимать все новые и новые попытки сделать Евангелие понятным для своих равнодушных и безрелигиозных современников. В конечном итоге, его поддерживает надежда, что они могут найти это понимание скорее, чем благочестивые религиозные люди.

³ Д. Бонхеффер, *Сопrotивление и покорность*, с. 264.

Проблема нерелигиозной интерпретации состоит не в том, чтобы заменить старые термины новыми, легче воспринимаемыми современным человеком. Бонхеффер пытается традиционные понятия Библии и догматики заново прояснить в контексте нового богословского понимания, особенно в контексте изменившегося положения церкви в мире. Менее всего он хочет выявлять подлинное содержание старых понятий или избавляться от одних ради «очищения» других. Так, в споре с Бульманом подчеркивается, что невозможно объявить мифологическими понятия «чудо», «вознесение» и отделить их от понятий «Бог» и «вера». Все религиозные понятия проблематичны, и все они должны быть возвещены и интерпретированы нерелигиозно. При этом Бонхеффер замечает, что для него самого нерелигиозная интерпретация — скорее задача, чем возможность решения. В «Мыслях на день крещения Дитриха Вильгельма Рюдигера Бетге» он напишет о том, что мы вернулись к самому началу понимания: «Примирение и искупление, второе рождение и Святой Дух, любовь к врагам, крест и воскресение, жизнь во Христе и следование за Ним — все это так трудно и так далеко, что мы едва осмеливаемся об этом говорить»⁴. Язык, которым церковь говорила с миром, не смог его изменить, не стал спасительным словом. Новый язык не стремится найти всеобщую истину за мифологической оболочкой старых понятий, важнее услышать в дошедших до нас словах «нечто абсолютно новое, все преобразующее». Все «религиозные» понятия должны быть интерпретированы таким образом, чтобы религия больше не полагалась условием веры. Такой язык, по Бонхефферу, способен родиться из двух вещей — молитвы и дел праведности среди людей. Он, может быть, будет вообще нерелигиозным, но окажется в состоянии постичь и выразить примирение Бога с человеком и близость его Царства.

Для прояснения сущности безрелигиозной интерпретации можно также поставить вопрос: «А что означает религиозная интерпретация?» В понимании Бонхеффера, «религиозно ин-

⁴ Дитрих Бонхеффер, см. наст. изд., т. 2, с. 382.

терпретировать» — значит удивительным образом сочетать метафизику и индивидуализм. Подобные ходы мысли равно далеки и от библейской вести, и от современного человека. Это относится прежде всего к одному из центральных моментов христианского вероучения — теме спасения. Бонхеффер высказывает предположение, им самим названное «довольно страшным», что у современного человека есть вещи более важные, чем *вопрос* о личном спасении. Причем такой шокирующий вывод имеет библейские основания. По мнению Бонхеффера, Ветхий Завет не ставит вопрос о спасении души, но свидетельствует о Царстве Божьем на земле, и даже те новозаветные тексты, которые в дальнейшем были истолкованы в русле индивидуалистического учения о спасении (например, Рим 3:24), говорят скорее о праведности Бога и об этом мире, «в том виде, как он создается, сохраняется, объемлется законами, примиряется и обновляется»⁵. В метафизических рассуждениях посюсторонность возводят к потусторонности, этот мир — к запредельному высшему миру, утверждают существование потустороннего Бога, направляют человека от посюстороннего к этому запредельному. Разговор о Боге как о запредельной метафизической величине начинается только там, где человек поставлен на свою «границу». Многочисленные высказывания о «границах» Бонхеффер считает основой самых сомнительных богословских ходов. Религиозные люди зачастую говорят о Боге, когда человеческое познание не способно разрешить какие-либо проблемы. Но если предположить, что человек расширит свои возможности и отодвинет дальше свои границы, останется ли место для Бога, понимаемого как *Deus ex machina*? Если человек уже почти не боится смерти и едва понимает, что такое грех, много ли еще останется предельных вопросов, на которые не ответить без привлечения идеи высшего существа? Бонхеффер полагает, что в предельных ситуациях лучше молчать и оставлять неразрешимое неразрешимым, иначе мы рискуем принять трансцендентность Бога за гносеологическую

⁵ Д. Бонхеффер, *Сопrotивление и покорность*, с. 206.

трансцендентность. Бога человек обретает не на «пределах человеческого», а в «средоточии его».

Мирская интерпретация основывается на новом понимании христологии. Продумать во всей полноте воплощение Христа означает для него не истолковывать событие Христа в контексте мифа о спасении по ту сторону границ смерти, но понять, что христианская надежда на спасение отсылает человека к его жизни на земле. В этом и заключается единство Нового и Ветхого Заветов: не бежать от тревог, опасностей и нужд этого мира в иной, запредельный, не искать спасительную лазейку в вечность, а встречать Христа «в средоточии жизни». Когда Бог во Христе становится плотью, Он входит в нашу земную телесную реальность, отдает себя нам, присутствует в мире как «Бог для нас». «Реальное» присутствие Христа в мире делает христианскую жизнь подобием полифонии в музыке — полнота любви к Богу и его вечности, становится *cantus firmus*, «по отношению к которому все остальные голоса жизни звучат в контрапункте»⁶, сохраняя свою самостоятельность. Следование Христу обращает нас к многоголосию жизни, там, где ясно и отчетливо звучит неизменная мелодия, контрапункты развиваются с особенной силой. Осмысление воплощения предполагает и новое понимание традиционных терминов «всемогушество», «всеведение», «всеприсутствие». В наброске книги, посланном Э. Бетге, Бонхеффер настаивает на том, что эти понятия могут вырастать только из понимания бытия Иисуса как «существования для других». Религиозное отношение к высшему, всемогущему, всеблагому существу не является подлинной трансцендентностью. Лишь причастность к бытию Иисуса — бытию, включающему вочеловечение и крест, — позволяет жить из трансцендентности, которой всякий раз оказывается ближний. Потусторонность — это не бесконечная удаленность, а то, что ближе нам, чем даже мы сами. Потому и ответ на вопрос: «Как осуществляется христианская жизнь в безрелигиозном мире?» может быть найден только в кон-

⁶ Там же, с. 214.

тексте богословия креста. Бонхеффер видит человека своего времени, видит дух безрелигиозной эпохи. И тогда к нему приходит последний смысл этого события: это страдания самого Христа, которые происходят здесь, в наше время. Бог снова всходит на крест ради спасения человека. Для нашего блага Он выбирает бессилие. Распятый Бог дарит нам новый мир. Если *vita christiana* — действительно «следование Христу», позиция христианина в мире должна соответствовать позиции самого Христа. Быть христианином — значит соучаствовать в страданиях Бога в обезбоженном мире: «христианство означает переосмысление человеческих ценностей и установление новой иерархии ценностей перед лицом Христа... Наш Бог есть страдающий Бог. Страдание формирует в человеке Божье подобие. Страдающий человек и есть Его подобие»⁷.

Бонхеффер показывает, что деяния Христа совершаются в реальности окружающего нас мира, здесь и сейчас. Он пытается христологически прояснить судьбу конкретной эпохи, неотделимую от его собственной судьбы, показать, что Христос творит в нас не какой-то тип человека — грешника, кающегося или святого, но просто человека. Такой человек, живя в безбожном мире, не пытается каким-то образом эту обезбоженность религиозно прикрыть, не ищет «религиозной методики» спасения, он действительно живет по-мирски, страдая одним страданием с Богом. В итоге лейтмотивами безрелигиозной интерпретации оказываются понимание Бога как Господа земли, переживание несказанного «да» Творца своему творению, которое и определяет неразрывную связь «последних» и «предпоследних» вещей, готовность иметь дело не с религиозными функциями человека, а с целостным человеком, стоящим одновременно перед земной и вечной реальностью, которую Бог уготовал ему в Иисусе Христе.

Представляемое издание продолжает перевод трудов Бонхеффера, начатый публикацией «Этики». Уникальность этого из-

⁷ Дитрих Бонхеффер, см. наст. изд., т. 1, с. 286.

дания заключается в том, что здесь Бонхеффер предстает с разных сторон: пастор, богослов, комментатор Библии. Здесь собраны проповеди Бонхеффера – от самых ранних, студенческих, до последних, написанных в берлинской тюрьме Тегель, – его размышления над текстами Священного Писания, духовные стихи и богословские штудии. Мы можем проследить богословский путь Бонхеффера в его целостности, увидеть, как складываются его ключевые темы, и прежде всего одна, определяющая: как в христианском опыте переживать реальность Бога вместе с реальностью мира и реальность мира – вместе с реальностью Бога. Для Бонхеффера именно это и есть тайна откровения Бога в Иисусе Христе. Мы видим, насколько укоренены его богословские размышления в повседневной пасторской работе и не просто чтении, а именно «проживании» библейских текстов. Мы видим, что онтологическая христология, развернутая в «Этике», в докладе по христологии 1933 года, вырастает из экзистенциального вопроса веры: «Кем же для нас сегодня является Христос?» Альберт Шенхер, учившийся у Бонхеффера в семинарии в Финкенвальде, подчеркивал, что он производил впечатление человека абсолютной цельности, человека, чья вера совпадала с мыслями, а дела – с верой. Потому его безрелигиозное христианство и не превращается в отвлеченную богословскую конструкцию, но остается подлинным свидетельством о Христе в безрелигиозном мире.

*Светлана Коначева,
доктор философских наук*

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

Собрание проповедей, истолкований и размышлений Дитриха Бонхеффера, которое впервые представил Отто Дудзус (Dudzus) в 1984/1985 гг., занимает особое место среди изданий бонхефферовских текстов. Оно *объединяет* в двух томах опубликованные проповеди и истолкования в соответствии с их порядком в многотомных *сочинениях Дитриха Бонхеффера* и тем самым облегчает доступ ко всей бонхефферовской гомилетике — обстоятельство, которое с момента этой публикации все более приветливо принимается читателями, желающими обрести непосредственную встречу с Бонхеффером как с проповедником и истолкователем Писания. Дальнейшее облегчение этого доступа предлагается в ясно и наглядно принятом семичастном распределении проповедей: пора студенчества, викариат, доцентура, пасторство в Лондоне, проповеднический семинар и общие викариаты, годы войны и тюрьмы. Меняющиеся сценарии, различные житейские ситуации, вызовы судьбы, исторические события и круги адресатов образуют такой фон, на котором выделяются особенности данных проповедей: обращенность к соответствующему кругу лиц, осмотрительность и внимательность, проявляемые к соответствующему жизненному окружению, заботливое отношение к требующемуся слову, временами скрываемая, затем вновь дающая себя знать страстность речи с присущей этой речи определенностью, но прежде всего — доверие и любовь к истине Евангелия. Наконец, еще одна черта предлагаемого сборника состоит в том, что издатель учел и такие документы, которые в форме других литературных жанров непосредственно примыкают к проповеднической деятельности Бонхеффера; к ним относятся составленные по поручению совета померанских братьев *Богословские письма*, написанные в Тегельской тюрьме *Молитвы*, а также два стихотворения на тему смерти (*Смерть Моисея* и *Иона*), возникшие тоже в тюрьме.

Текстовая форма публикуемых ниже проповедей, которые почти без исключения не предусматривались Бонхеффером для обнародования, ориентируется на сохранившиеся рукописи; поскольку речь идет не об описках, отклонения и неувязки обозначаются угловыми скобками. Нередко встречающаяся трудность при издании проповедей связана с тем обстоятельством, что их форма часто обусловлена *риторическим* углом зрения; например, для бонхефферовских проповедей характерно особое предпочтение знаков тире и точки с запятой, к тому же иногда главные предложения, растянутые на добрые полстраницы, отделяются одно от другого лишь запятой либо точкой с запятой. Такие особенности, рассчитанные, конечно же, на *произнесение* текста, отнюдь не способствуют его *читабельности*; поэтому, в соответствии с *синтаксическими* тире, когда это необходимо, предлагаются изменения пунктуации. Эти редакторские тире приняты во внимание и в выходящем с 1986 года *Собрании трудов Бонхеффера*, что с научной точки зрения важно для окончательной формы всех бонхефферовских текстов.

В прошлом к изданию *Проповедей, истолкований, размышлений*, предпринятому Отто Дудзусом, обращался тот, кто хотел услышать *вопрос* Бонхеффера: «Кто для нас Иисус Христос сегодня?» в связи с теми *ответами*, которые дал на него этот богослов. Предлагаемое теперь новое издание сделает это возможным и в будущем.

*Кристиан Греммельс,
Кассель, декабрь 1997 г.*